

Г. А. Кошеленко

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА «ИДЕАЛЬНОГО» ПОЛИСА

(По Платону и Аристотелю)

ЧЕТВЕРТЫЙ век до н. э. — время кризиса полиса как той специфической формы социальной организации рабовладельческого общества, в какой оно сложилось в древней Греции. Но это было и время поисков выхода из этого кризиса, время исканий и в теории, и на практике. Крупнейшие умы Эллады задавались вопросами о том, что такое человек и что такое гражданин полиса, обсуждали проблемы происхождения и исторических судеб полиса, наилучших форм его и форм, наиболее отвечающих сложившейся исторической ситуации. В такой обстановке и родились проекты Платона и Аристотеля (наиболее яркие и наиболее известные), искавших, как реформировать полис с тем, чтобы в мире постоянных политических и социальных потрясений создать уравновешенный социальный организм и тем обеспечить стабильность существования полиса как такового.

Научная литература, посвященная этому направлению древнегреческой общественной мысли, чрезвычайно обильна. Однако, как нам представляется, проекты Платона и Аристотеля еще очень слабо исследованы как памятники теории урбанизма. И оба проекта Платона («Государство» и «Законы»), и проект Аристотеля посвящены не только вопросам наилучшего социального и политического устройства, но и проблеме наиболее рациональной архитектурной организации городского пространства. Идеально организованный полис должен быть таковым и в сфере градостроительных решений. Греческие мыслители стремились в своих проектах представить и архитектурный облик города, сознавая, что социальная структура общества должна адекватно отражаться в способах расселения, в организации пространственной структуры города и сельских поселений, являя собой точку взаимодействия социальной и эстетической программ¹.

Таким образом, идеи Платона и Аристотеля весьма существенны для истории теории архитектуры и градостроительства. Важность их изучения становится особенно очевидной, если рассматривать их в историческом контексте и перспективе как выражение уровня греческой градостроительной мысли в середине IV в. до н. э., т. е. непосредственно перед эпохой раннего эллинизма, когда развернулось грандиозное строи-

¹ Попытки создать «идеальную» градостроительную модель полиса известны уже для V в. до н. э. (см. R. E. W y c h e r l e y, *How the Greeks Built Cities*, L., 1949, стр. 15).

тельство на Востоке и пришла пора практического воплощения градостроительных идей IV в., ранее — в силу исторических причин — имевших почти исключительно теоретическое значение. Поэтому мы хотели бы поставить вопрос таким образом: отразились ли в градостроительной практике раннеэллинистического периода те теоретически разработанные урбанистские концепции IV в., которые мы знаем по трудам Платона и Аристотеля?

Вопрос этот, как нам представляется, еще не нашел своего решения, хотя в ряде работ — обычно без сколько-нибудь подробного анализа — высказываются те или иные соображения относительно роли градостроительных идей, изложенных в трудах Платона и Аристотеля, для формирования практики эллинистического урбанизма².

Рассмотрим сначала проект Платона, изложенный им в «Государстве», основное внимание уделяя собственно архитектурным вопросам.

В этом проекте «идеального» полиса, устройство которого определяется «справедливостью», Платон исходит из того, что для полиса существенны три функции: 1) обеспечение материальных потребностей (земледельцы, ремесленники, отчасти купцы), 2) военная защита целостности полиса; 3) управление. Наличие этих трех функций — объективная реальность, а строгое разделение полисного коллектива на достаточно изолированные группы, каждая из которых (в силу своих природных способностей и воспитания) служит отдельной функции, — это, по Платону, и есть воплощение справедливости и основа социальной гармонии. Таким образом,

² Уэллес (C. B. Welles, *The Greek City, «Studi in onore di A. Calderini e R. Paribeni», I, Milano, 1956, стр. 81—100*) пытался показать значительное влияние идей Платона (в частности, «Законов») на формирование характера эллинистических полисов. Е. Н. Трубецкой («Социальная утопия Платона», в сб. «Вопросы философии и психологии», кн. 92 (II), 1908, стр. 184), напротив, считал, что платоновские идеи оказались бесплодными. Синклер (T. A. Sinclair, *A History of Greek Political Thought, L., 1961, стр. 157*) утверждал, что абсолютную нереальность проекта, изложенного в «Законах», понимал и сам их автор. Баркер (E. Barker, *Greek Political Theory. Plato and His Predecessors, L., 1947, стр. 314*) подчеркивал значение концепций Платона в практике создания новых городов. Еще более определенно писал об этом Морроу (G. R. Morrow, *Plato's Cretan City. A Historical Interpretation of the Laws, Princeton, 1960, стр. 12, 593*). Те же самые противоречия можно отметить и в литературе, посвященной проекту Аристотеля (подробнее см. А. И. Доватур, *Политика и политик Аристотеля, М.—Л., 1965*). Очень показательна в этом отношении и литература, посвященная специально истории градостроительства. А. В. Бунин (История градостроительства, т. I, Рабовладельческий строй, феодализм, капитализм, М., 1953) не уделит этому вопросу ни строчки. В значительно устаревшей сейчас работе Лаведана (P. Lavedan, *Histoire de l'urbanisme. Antiquité. Moyen age, P., 1926*) на одной странице приводятся элементарные соображения относительно черт концепций Платона и Аристотеля. Для Р. Вичерли (Wucherley, *How the Greeks..., стр. 29*) греческая архитектура была по самому своему духу чужда теории, а Платон и Аристотель ограничиваются несколькими элементарными рекомендациями. Более подробно касается этих вопросов Р. Мартэн (R. Martin, *L'urbanisme dans la Grèce antique, P., 1956*). Он отмечает, в частности, более практический характер особенностей градостроительной концепции Платона, Р. Мартэн, однако, сосредоточивает свое внимание на тех ее сторонах, которые, как нам представляется, не имели практического значения. Таковы, в частности, мысли Платона о воздействии климата на души людей. Его обвинения Платона в отсутствии ясности в некоторых важных положениях нам кажутся чрезмерными, а его основной вывод — «многочисленные проблемы остаются, таким образом, за пределами системы Платона, который и не претендовал на то, чтобы сделать свой труд трудом урбаниста» — неверным. Более объективна его оценка системы Аристотеля. В частности, Р. Мартэн справедливо, с нашей точки зрения, подчеркивает ее более практическую и материальную основу. Убедительны и его соображения о некоторых теоретических предшественниках Аристотеля и о развитии его системы в последующее время. Однако им недооценивается возможность и роль прямого наблюдения Стагирита над характером планировки городов. Нет попыток сопоставления градостроительной теории и практики в эллинистическую эпоху.

гражданин полиса занимает строго определенное место в трехчастной социальной структуре города, а сам характер структуры чисто функционален, определяясь в сущности разделением труда³.

«Класс», обеспечивающий материальные потребности, Платоном обрисован весьма скупо. Создается впечатление, что в основных чертах его социальное бытие, практически, не представлялось ему отличным от бытия населения рядового полиса. Его представители трудятся на своих участках, в своих мастерских, им разрешен обмен, накопление богатств и т. д. Однако особенность платоновского полиса в том, что «класс» производителей прежде всего обеспечивает своим трудом потребности высших «классов» и совсем не участвует в политической жизни полиса.

Следующим «классом» являются воины («стражи»). Их отличие от производителей имеет не только функциональный характер. Сама их нравственная природа выше, в силу чего и весь их образ жизни совершенно иной. Их единственная жизненная цель — сохранение целостности государства и поддержание установленного строя. Они не заняты производительным трудом, их время посвящено тренировкам как физическим, так и нравственным — упражнениям в добродетели. Они не знают собственности, все, что нужно им, предоставляется производителями. Трапезы у них общие, семья как институт в их среде запрещена. Есть и мужчины, и женщины-воины — равные в своих правах и обязанностях. Общение с женщиной — награда наиболее отличившимся. Пары для продолжения рода подбираются правителями с точки зрения сохранения породы. Дети не знают родителей и воспитываются как общие дети всего коллектива воинов. Жизнь воинов, в общем, несмотря на то, что они принадлежат высшему по сравнению с производителями классу, сурова и в идеале лишена всяких корыстных и эгоистичных побуждений.

Высшим «классом» полиса являются правители-философы, рекрутирующиеся из воинов, особенно продвинувшихся в достижении мудрости и достигших преклонного возраста. Цель этого «класса» — поддержание стабильности раз и навсегда установленного социального порядка посредством воспитания всех членов общины, и особенно молодежи, в духе неуклонного выполнения своих жизненных функций. Это — мозг «идеального» полиса, руками которого служат воины. Этот «класс» обеспечивает и преемственность установлений, касающихся буквально всех сторон жизни, и потребную социальную вертикальную мобильность посредством отбора детей с соответствующими задатками из среды «производителей» для воспитания в качестве воинов или, напротив, перевода детей воинов, лишенных нужных душевных качеств, в «производители». Быт этого «класса» подчиняется тем же строгим нормам, что и быт стражей.

Эти постулируемые Платоном условия бытия «идеального» полиса определяют и его градостроительные решения. Платон прежде всего обращает внимание на его величину (как на размер территории, так и на количество населения): «Мы дадим нашим стражам еще и такое задание: всячески следить за тем, чтобы наше государство было не слишком малым, но и не мнимо большим...» (Resp. IV, 423 с). Конкретных указаний не дается, но само введение такого критерия симптоматично, поскольку для всех античных теоретиков характерно чрезвычайное вни-

³ К. Маркс высоко ценил платоновский анализ разделения труда. См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 378. Ф. Энгельс, ссылаясь на мнение К. Маркса, прямо называет «гениальным» для того времени «изображение разделения труда Платоном, как естественной основы города (который у греков был тождествен с государством)» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 239). Подробнее см. В. Ф. Асмус, Платон, М., 1959, стр. 149.

мание к этому вопросу, порожденное серьезными причинами социального характера⁴. Само собой подразумевается, что (как и во всех греческих полисах)⁵ государство состоит из собственно города и принадлежащей ему сельской территории — хоры. Ясно, что земледельческое население живет не только (возможно, и не столько) в городе, сколько в сельских поселениях, расположенных в хоре (Resp. VII, 540 с).

В основном законоположения «идеального» полиса Платона касаются только форм быта сословия воинов-стражей и философов. Жизнь массы рядового населения-земледельцев и ремесленников в бытовом отношении регламентируется мало⁶. Единственно возможное объяснение заключается в том, что для Платона его «идеальный» город состоял как бы из двух частей: одной — занятой земледельцами, ремесленниками, торговцами, и другой — где обитают стражи и философы. Архитектурное решение первой из них в принципе не отличается от архитектурного решения рядового греческого города. Она состоит из обычных жилищ и имеет обычные общественные сооружения, необходимые для функционирования города как хозяйственного организма. Во всяком случае, упоминаются рынки (следовательно, должна существовать площадь — агора, правда, выполняющая только функции места торгового обмена, а не общественного центра), гавани, суды (следовательно, должны существовать здания для их размещения). От этой части города резко отличается вторая — занятая воинами и правителями. Прежде всего, она представляет собой настоящий военный лагерь, функции которого недвусмысленно определены Платоном: «...Мы же, снабдив этих наших земнородных людей оружием, двинемся с ними вперед под руководством правителей. Придя на место, пусть они осмотрятся, где им лучше всего раскинуть в городе лагерь, чтобы удобнее было держать жителей в повиновении в случае, если кто не пожелает подчиняться законам, и отражать внешних врагов, если неприятель нападет, как волк на стадо» (Resp. III, 415 d — e). Эта часть города — укрепленный военный лагерь — должна резко отличаться от обычного города и внутри. В ней полностью отсутствуют частные жилища. В связи с общей концепцией Платона этот момент многократно подчеркивается (Resp. III, 415 d, VIII, 543 b). Следовательно, воины живут в общих помещениях; можно только думать, что для мужчин и для женщин предназначаются отдельные здания (Resp. V, 458 с — d)⁷. Общие трапезы (Resp. III, 415 e), очевидно, предполагают особые помещения — столовые и связанные с ними кухни. Огромное значение Платон придает физическому совершенству воинов, их постоянной готовности к битве, для чего служат палестры, в которых должны регулярно упражняться воины как мужчины, так и женщины (Resp. V, 452 a, 458 d). Особо говорится о припасах, которыми в умеренном количестве должны снабжать стражей земледельцы (Resp. III, 415 e), что подразумевает наличие складов. Так же само собой подразумеваются арсеналы и особое здание для встреч воинов — мужчин и женщин, имеющих целью продолжение рода (по приказу прави-

⁴ См. С. Л. Утченко, Кризис и падение римской республики, М., 1965, стр. 13 сл.

⁵ См. В. Д. Блаватский, Античный город, в сб. «Античный город», М., 1963, стр. 9.

⁶ Панадимитриу (см. С. В. P a p a d i m i t r i o u, La part du réel dans l'Utopie de Platon, P., 1937, стр. 105) подчеркивает, что в конструктивной части «Государства» практически говорится только о половине города: если детально говорится о быте стражей и философов, то быт «производителей» обходится полным молчанием.

⁷ Э. Баркер (B a r k e r, Greek Political Theory..., стр. 241) называет эти жилища бараками.

телей). Воспитание детей воинов происходит в особых местах, удаленных от собственно лагеря (Resp. V, 460 с).

Не подлежит сомнению, что в городе (в обеих его частях) должны существовать храмы (особым почитанием, видимо, должен пользоваться Аполлон) (Resp. IV, 427 b), однако создается впечатление, что для воинов основными святынями будут не храмы, а гробницы воинов или павших со славою на поле боя или особенно отличавшихся добродетелью (Resp. V, 449 а — b). Важность этой стороны в жизни «идеального» полиса подчеркивается тем, что Платон возвращается к ней неоднократно⁸.

Несмотря на большие различия двух частей города, существовали некоторые положения, обязательные для них обеих. Согласно проекту Платона, из «идеального» города изгоняется трагедия и комедия, так что в нем должен был отсутствовать театр. Строго регламентировались как содержание, так и методы исполнения произведений искусств, украшавших город. В соответствии с общей эстетической программой Платона, из него должно быть изгнано все, что могло бы (в соответствии с представлениями философа) считаться безнравственным: «Разве не надо смотреть и за остальными мастерами и препятствовать им воплощать в образах живых существ, в подстройках или любой своей работе что-то безнравственное, разнузданное, низкое и безобразное?» (Resp. III, 401 b — c). Невыполнение этого может, по мысли Платона, иметь самые катастрофические последствия, ибо созерцание подобных «безнравственных» произведений искусства может развратить воинов и поэтому «надо выискивать таких мастеров, которые по своей одаренности способны проследить природу красоты и благообразия, чтобы нашим юношам, подобно жителям здоровой местности, все шло на пользу, с какой бы стороны ни представилось их зрению или слуху что-либо из прекрасных произведений» (там же).

Таким образом, архитектурный облик полиса, согласно первому проекту Платона, в значительной мере сохранял свой традиционный характер. Сельские поселки и та часть города, которая была занята ремесленниками и земледельцами, должны были на первый взгляд выглядеть совершенно так же, как в обычных полисах Греции того времени. Отличия сказывались здесь только в характере общественного центра, где агора лишалась политической функции, и соответственно тех зданий, которые были с этой функцией связаны (здания буле, пританея и т. д.), и кроме того, в строгом следовании определенной эстетической программе в характере произведений искусств, украшавших город. Элементы, пришедшие из второй (собственно «идеальной») части города в первую, минимальны. Можно отметить только здания для воспитания детей воинов. В то же время вторая часть города, занятая воинами и правителями, должна иметь характер, совершенно незнакомый греку. Это, прежде всего, крепость. Внутри нее располагаются коллективные жилища, помещения для сисситий, склады припасов, арсенал, брачное здание, святилища и, по всей видимости, помещение для заседаний философов. Сам характер архитектуры такого города подчеркивал бы его противоположность обычному греческому городу. Над рутинным полисом возвышалась бы крепость, твердыня, — некий прообраз появившихся уже в иную эпоху монастырей духовно-рыцарских орденов⁹. Платон, признававший

⁸ См., например, Resp. VII, 540 b—c: «Государство на общественный счет соорудит им памятники и будет приносить жертвы, как божествам, если это подтвердит Пифия, а если нет, то как счастливым и божественным людям»; см. также Resp. IV, 427b. (Все переводы из Платона по изданию: Платон, Сочинения, т. I-III, М., 1968 — 1972.

⁹ Ср. Г р у б е ц к о й, ук. соч., стр. 129: «В результате получается то странное двойственное создание, которое он изобразил в своей «Политии». Это — государство

в современном ему полисе наличие двух полисов, находящихся в непримиримой вражде, в своем проекте по сути дела воссоздавал эту же ситуацию, хотя и на новой основе, а архитектура (своими средствами) могла только подчеркивать эту противоположность.

Второй проект Платона изложен им в его позднем произведении — «Законы». Для нашей темы безразличны причины, по которым философ отказался от своего более «радикального» проекта, изложенного в «Государстве», в пользу более «умеренного» проекта «Законов»¹⁰. Важно только то, что он сам рассматривал второй из них как более реальный и воплощение его в жизнь считал вполне возможным в современных ему условиях (см. ниже).

О социальных и политических аспектах этого плана Платона здесь достаточно будет сказать, что его основная идея шла в русле столь популярного в IV в. до н. э. идейного течения, видевшего решение всех политических и социальных проблем Греции в возрождении значения и роли «среднего класса»¹¹. Это государство представляет собой «умеренную» демократию, являющуюся политическим выражением такого экономического строя, в котором господствующее положение занимают мелкие земельные собственники, мелкие рабовладельцы, свободные и независимые, гарантированные против крайней бедности и в то же время не могущие стать чрезмерно богатыми, что в свою очередь гарантирует существующий строй от перерождения как в крайнюю демократию, так и в олигархию. Не вдаваясь в детали, отметим лишь несколько обстоятельств, существенных с точки зрения градостроительства: исключение из числа членов гражданского коллектива ремесленников, общность потребления для граждан (в форме сисситий), строгая регламентация всех сторон жизни (как общественной, так и частной) всех граждан, строгое ограничение контактов за пределами полиса и т. п.

Большое внимание уделяет Платон выбору места для основания города, причем критерии экономические и климатические подчинены у него более высокому — нравственному.

С точки зрения экономической местоположение города должно определяться следующими обстоятельствами: прежде всего, он должен находиться по возможности не вблизи от моря, ибо «близость моря хотя и дарует каждый день усладу, но на деле есть горчайшее соседство. Море наполняет стремлением нажиться с помощью крупной и мелкой торговли, вселяет в душу лицемерные и лживые привычки, и граждане становятся недоверчивыми и враждебными как друг по отношению к другу, так и остальным людям» (Legg. 705a). Конечно, в условиях Греции очень трудно было найти территорию, полностью изолированную от моря, и территория проектируемого в «Законах» нового города тоже имеет доступ к морю. Наименьшим злом Платон считает расположение гаваней на расстоянии 80 стадий от собственно полиса (Legg. 704 d). Природа, согласно концепции Платона, не должна быть ни слишком благоприятной, ни чрезмер-

с функциями церкви, языческий монастырь идеальных граждан, общество верующих во всеоружии светского меча». В связи с этим любопытно отметить то сопоставление, которое сделал Баркер (ук. соч., стр. 172) относительно совпадения трех «классов» платоновского государства с тремя сословиями средневековой политической теории — *oratores, bellatores, laboratores*.

¹⁰ Отметим, что существует мнение (см. Н. С. В а l d r y, *Ancient Utopias*, Southampton, 1956, стр. 16), согласно которому государство «Законов» — результат практического опыта Платона, приобретенного им в Сицилии, где его попытка построить «утопию» согласно проекту «Государства» привела к кровавому конфликту.

¹¹ Cf. M o s s é, *La fin de la démocratie athénienne. Aspects sociaux et politiques du déclin de la Cité grecque au IV siècle avant J.-C.*, P., 1962, стр. 247.

но неблагоприятной, ибо в обоих случаях это приводит к развитию торговли и к нравственной деградации.

Точно так же особое внимание должно уделяться и климатическим условиям будущего города. Однако эти условия рассматриваются не с точки зрения рационально-санитарной, а с точки зрения влияния климата на нравственную природу человека: «От нас, Мегилл и Клиний, не должно укрыться, что одни местности превосходят другие в смысле рождения лучших или худших людей. И невозможно устанавливать законы вразрез с местными условиями. Ведь в иных местах различные воздушные течения и зной делают людей странными и неудачливыми; с другой стороны, влажность климата и растительность не только делают то лучшим, то худшим тело, но все это не меньше может влиять на душу. На земле превосходнее всех те местности, где чувствуется некое божественное дуновение: местности эти — удел гениев, милостивых к исконным жителям; где этого нет, там все бывает наоборот. Разумный законодатель, обратив на это внимание, попробует, насколько это в человеческих силах, именно так устанавливать законы» (Legg. 747 d—e).

В соответствии с общим правилом территория вновь проектируемого полиса должна распадаться на две части: на собственно город и сельскую территорию (хору). Но к размерам и конфигурации территории этого государства предъявляются особые, имеющие принципиальное значение требования.

Сам город должен находиться в геометрическом центре страны и иметь в плане форму круга. Место должно быть выбрано таким образом, чтобы наиболее возвышенная часть города в свою очередь находилась в его геометрическом центре: да и весь город надо расположить кругами, поднимающимися к возвышенным местам, ради хорошей защищенности и чистоты (Legg. 778 c). Срединная часть города представляет общественный центр, и от нее радиально расходятся городские магистрали, делящие город на 12 частей, каждая из которых занята одною из 12 фил¹². Хора также делится на 12 частей в соответствии с тем же принципом. Видимо, границы между территорией отдельных фил в хоре являются продолжением их границ в городе и также проходят радиально.

Ядром общественного центра является акрополь, обнесенный стеной, на его территории находятся святилища Гестии, Зевса, Афины (Legg. 745 b). Он, естественно, занимает самое возвышенное место. Кроме акрополя в состав общественного центра должна входить агора, на которой собираются народные собрания, а также происходит торговля. Хотя в тексте ничего не говорится о ее плане, однако на основании общего описания принципов планировки города (Legg. 778 c) можно предполагать, что она кольцом охватывает акрополь. Вокруг агоры располагаются важнейшие здания общественного назначения, прежде всего храмы, а также помещения для магистратов и судов, разбирающих важнейшие дела (Legg. 778 c—d). Здесь же располагается одна из городских тюрем, в которой содержатся рядовые заключенные (Legg. 908 a). Из помещений, предназначенных для магистратов, видимо, имелись в виду здания советов и отдельное здание для дежурной $\frac{1}{12}$ части совета. В нем булевты проводили не только день, но и ночь, а также и столовались (Legg. 758 b—c). Среди храмов, расположенных на площади, особое внимание, видимо, уделяется храму Аполлона (иногда о нем говорится как о храме Аполлона и Гелиоса), поскольку собрание должностных лиц (кроме пританов) для выбора магистрата, ответственного за воспитание (чья роль в жизни платоновско-

¹² Каждая из фил посвящена одному из 12 олимпийских божеств и названа по его имени.

го государства очень важна), происходит именно в этом храме (Legg. 766 b). На территории священного участка этого храма живут и такие важные городские магистраты, как евфины (Legg. 946 c). При храмах должны находиться также своеобразные гостиницы, ибо Платон среди категорий допускаемых на время в город чужеземцев выделяет любителей искусств (нечто вроде современных туристов), которым необходимо предоставить пристанище (Legg. 952 d — 954 d). Городская площадь, помимо своих общественных функций, должна также служить и местом торгового обмена. Строгая регламентация обмена в платоновском государстве находит свое отражение и в планировке агоры: «... всякий взаимный обмен, производимый путем купли и продажи, должен происходить на месте, особо отведенном для каждого вида обмена на городской площади... (Legg. 915 d)»¹³.

Как отмечалось выше, территория города делится на 12 частей (для 12 фил). Однако существует еще и деление более крупного масштаба — на три. Каждые четыре филы составляют особую группу, находящуюся под надзором одного из трех астиномов. Архитектурно это выражается в том, что в центре (судя по контексту) каждой из таких групп должны существовать особые общественные центры. Они предназначены для обучения и воспитания граждан полиса, здесь располагаются гимнасии и школы (Legg. 804 c). Можно предполагать, что эти общественные центры должны были представлять собой небольшие площади внутри жилой застройки, окруженные по периметру упомянутыми выше зданиями. Вне городской территории также должны были находиться три спортивно-воспитательных центра (отвечающих городским), занятые ипподромами и площадками, хорошо приспособленными для стрельбы из лука и других упражнений в метании.

Как известно, Платон особое внимание уделял определению оптимального числа граждан для идеального города. В «Законах» это число точно определено — 5040 (Legg. 737 c—d). Следовательно, каждая фила должна состоять из 420 граждан. Однако Платон предполагает, что каждый из граждан будет иметь два жилища («... одно близ срединной части города, другое на окраине»), следовательно, число жилищ в пределах городской территории филы должно быть равно 840, всего в городе будет соответственно 10080 отдельных домов для граждан. Наличие двух отдельных жилищ объясняется тем, что одно предназначается для самого гражданина, а второе — для его взрослого женатого сына (Legg. 775 e — 776 a). Платон особо подчеркивает желательность унификации жилищ, которая для него имеет ценность как эстетическую, так и военно-практическую — удобство обороны («... приятно было бы видеть город, имеющий облик единого дома: чрезвычайно легко было бы его охранять и в целом и по частям» — Legg. 780 a). В пределах застройки каждой филы также должны быть общественные здания особого назначения — здания для общественных трапез граждан (Legg. 780 a): «... общие трапезы устроены отдельно для мужчин, а невдалеке для их домочадцев — детей женского пола и матерей» (Legg. 806 e). Платон не определяет, какой вид сисситий (критский или лакедемонский) предпочтительнее. Он только возражает против изобретения новых видов (Legg. 842 b)¹⁴. Как бы ни решался этот вопрос,

¹³ Платон несколько раз возвращается к описанию функций государственных магистратов, наблюдающих за агорой и городскими сооружениями, расположенными на ней, что свидетельствует о том, сколь большое внимание он уделял этим вопросам (Legg. 759a, 763 c—d, 764 b).

¹⁴ Критская гетерия, собиравшаяся на общие трапезы, насчитывала не менее 100—150 человек (К. М. Т. Ch r i m e s, Ancient Sparta, Manchester, 1949, стр. 235), спартанский же фидитий — в среднем, 15 человек (Plut., Lyc 12). Подробнее см. Ю. В. А н д р е е в, Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит), Автореф. канд. дис., Л., 1967, стр. 10.

ясно, что среди рядовой жилой застройки должны были располагаться и эти здания общественного назначения, включавшие, кроме собственно трапезных зал, кухни и склады. Исходя из значения этого института, можно думать, что сооружения подобного назначения должны занимать место наиболее яркое в архитектурном отношении, т. е. вдоль основных городских магистралей.

Платон решительно возражает против возведения городских стен. Для него образцом в этом отношении является Спарта (Legg. 778 d). Однако, снисходя к слабостям людей, он допускает такое компромиссное решение: «Но если уж нужны людям какие-нибудь стены, то надо с самого начала, при строительстве жилищ, так располагать частные дома, чтобы весь город представлял одну сплошную стену...» (Legg. 779 a). Таким образом, внешняя граница города должна быть четко обозначена если и не единой стеной, то единообразно выполненными внешними стенами жилищ граждан. Вне пределов собственно города, но в непосредственной близости от него должны были находиться жилища неполноправной категории населения — ремесленников. Все ремесленники, имеющиеся в пределах полиса, должны быть разделены на 12 частей; 12 из них разбросаны по отдельным сельским поселкам, а оставшаяся часть поселена в непосредственной близости от города, но вне его пределов. Поскольку она также делится в свою очередь на 12 частей (Legg. 848 c), то ясно, какое место эти поселения ремесленников должны занимать в общей планировочной структуре — их жилища должны, видимо, располагаться в виде узкой полосы по периметру городской застройки¹⁵.

Итак, можно достаточно отчетливо представить себе планировочную структуру второго варианта «идеального» города Платона. В своей основе она строго геометрична. Схема организации городской застройки — радиально-кольцевая, с четко выраженным общественным центром, также имеющим кольцевую структуру, сочетающим в себе как общественные, так и торгово-экономические функции. Этот центр связан с системой дополнительных общественных центров, имеющих воспитательно-спортивные функции. Четкая радиальная планировочная структура определяется делением гражданского коллектива на 12 фил, а 12 основных магистралей одновременно служат и своего рода административными границами. Унифицированная, сколь возможно, рядовая застройка сочетается с сильно развитыми комплексами общественного назначения, по всей видимости, подчеркнутыми выделявшими основные городские магистрали. «Промышленная» зона вынесена за пределы собственно городской застройки. Ее подчиненное место в общей планировочной структуре города отражает не только эстетические и санитарные требования, но и является отражением социальной структуры общества, ибо в масштабе города — это «промышленная» зона, но, с точки зрения ремесленного, граждански неполноправного населения — это «промышленно-жилая» зона.

В плане отражены и определенные идеи относительно вертикальной пространственной организации застройки полиса. Само место для города должно быть выбрано таким образом, чтобы наиболее возвышенная часть города принадлежала общественному центру и город постепенно понижался от центра к окраинам.

В проекте Платона предусматривается также и строго регулярная организация пространства хоры. Она делится на 12 частей в соответствии с теми же принципами, которыми определяется деление территории хоры. Видимо, границы между сельской территорией фил представляют собой

¹⁵ Жилища ремесленников принадлежат государству, которое предоставляет им на разрешенное время жизни в городе (Legg. 852 a—b).

продолжение тех границ, которые зафиксированы в городе, и также проходят радиально. Земля в хоре (так же, как и в городе) делится на 10080 участков, так что каждому гражданину принадлежат два участка, «причем участок, ближайший к городу, надо объединить в один надел с участком, расположенным на окраине; участок, который поближе к городу, с таким, который на самом краю, и т. д.» (Legg. 745 c—d)¹⁶.

Каждая из фил имеет свое организующее ядро — поселок, расположенный примерно в центре сельской территории филы. В центре поселка располагается площадь, занятая святилищами, среди которых важнейшее посвящено божеству-покровителю филы. Кроме того, там должны находиться храмы Гестии, Зевса и Афины. Здесь же, на самом высоком месте, необходимо «воздвигнуть здание, которое будет самым надежным приютом для стражей порядка» (Legg. 848 c—d). Вокруг этого общественного центра располагается рядовая жилая застройка. Дома в сельских поселках, видимо, должны по своей планировке и устройству отличаться от городских жилищ, ибо в них должны быть предусмотрены помещения для рабов, кухни для них, сараи для хранения инструментов, склады и т. п. Как уже отмечалось выше, ремесленное население делится на 13 групп, 12 из которых приписаны к 12 филам. По аналогии с системой расселения в городе можно думать, что их жилища (также являющиеся собственностью не их, а полиса) должны располагаться вне поселка собственно граждан, окружая его по периметру. Граждане, живущие в сельских поселках, также должны участвовать в общих трапезах (за этим должны особо наблюдать правители и смотрители рынков — Legg. 762 b), так что и в сельских поселках должны существовать здания для сисситий, подобные городским.

Особое внимание уделяет Платон священным участкам, где дважды в месяц для общественных жертвоприношений собираются члены филы, «дабы облегчать взаимные нужды, выражать друг другу доброжелательство при жертвоприношениях, привыкать друг к другу и взаимно знакомиться. Для государства нет более великого блага, чем взаимное ознакомление граждан» (Legg. 738 d—e).

Город должен быть связан с поселками хорошими дорогами, наблюдение за состоянием которых возложено на особых магистратов (Legg. 761 b). В проекте Платона особое внимание уделяется тому, чтобы сельская территория была разумно благоустроена, в частности особо говорится о природных водах, источниках, плотинах, одним словом, о всех методах снабжения водой плодородных территорий (Legg. 761 b—c). Если собственно город не должен иметь стен, то внешние границы страны должны быть укреплены самым тщательным образом: «...прежде всего страна должна быть как можно сильнее укреплена против врагов. Для этого следует проводить там, где надо, рвы, устраивать насыпи, чтобы этими сооружениями заградить по возможности путь тем, кто так или иначе попытается причинить зло стране и ее достоянию...» (Legg. 760 e).

Таким образом, можно видеть, что одни и те же принципы применены к организации как архитектурного пространства города, так и сельской территории — это строгое следование радиально-кольцевой схеме, стремление преобразить живую природу в геометрически правильные формы, известное повторение в планировке сельских поселков тех идей, которые были применены к планировке города.

Как и в первом проекте, Платон особо подчеркивает значение неизменности традиций в искусстве, которое должно служить полису. И сейчас

¹⁶ Особо оговаривается неизменность числа наделов как одна из важнейших основ стабильности государства и его строя (Legg. 740 b).

для него высший идеал в этом смысле — египтяне: «Установив, что прекрасно, египтяне объявили об этом на священных празднествах и никому... не дозволено было вводить новшества и измышлять что-либо иное...» (Legg. 656 e). Таким образом, произведения искусства, долженствующие присутствовать в архитектурной среде города, должны были, по мысли Платона, создаваться по строгим, раз навсегда установленным канонам¹⁷.

Третьим рассмотрим проект, разработанный Аристотелем. И здесь мы не будем говорить о социальных и политических аспектах проекта. Не входя в рассмотрение многочисленных проблем, поднятых в этой связи в обширной литературе, отметим только, что нам представляется наиболее верным то решение, которое защищает А. И. Доватур, считающий, что проект Аристотеля имел практическую направленность¹⁸, т. е. содержал рекомендации для Александра Македонского относительно освоения Востока путем создания там греческих полисов¹⁹. Добавим также, что весь строй этого полиса должен был быть ориентирован на поддержание существования и господства «среднего класса» граждан²⁰.

Аристотель тоже дает ряд указаний относительно градостроительных решений, наиболее отвечающих духу его «идеального» полиса. Прежде всего он отмечает, что не любые внешние условия могут быть подходящими для этого государства. Однако, в отличие от Платона²¹, он остается на почве реальности, не ставя невыполнимых условий (Pol. VII, 4, 1, 1325 b 36 сл.).

Первое из обсуждаемых им внешних условий — вопрос о численности населения и числе граждан полиса, который он решает следующим образом: «...государство должно иметь возможно больший переизбыток населения в целях самодовлеющего существования, но этот переизбыток должен оставаться легко обозримым» (Pol. VII, 4, 8, 1326 b 22). Таким образом, здесь нет столь четко очерченных рамок, как во втором проекте

¹⁷ Иногда в литературе в качестве третьего проекта «идеального» города Платона рассматривается его описание Атлантиды в «Критии» (Crit. 113 c — 119 a) (см., например, «Архитектура античного мира». Составители В. П. Зубов и Ф. А. Петровский, М., 1940, стр. 22). Нам этот взгляд, однако, не представляется верным. Атлантида Платона — это антитеза описываемым им мифическим Афинам. В этом городе, основанном на морской мощи, в концентрированном виде собраны все те недостатки, которые, с точки зрения Платона, наблюдались в современном ему полисном мире: агрессивная внешняя политика, роскошь и т. д. Пользуясь современной терминологией, Атлантиду с большим правом можно назвать не утопией, а «антиутопией».

¹⁸ В современной литературе постоянно подчеркивается реализм политического мышления Аристотеля (см., например, Mossé, La fin..., стр. 249; В. П. Зубов, Аристотель, М., 1963, стр. 45; Г. А. Лександров, Аристотель, М., 1940, стр. 201 сл., 261; С. Ф. Кедров, Учение Аристотеля о государстве и праве, М.—Л., 1947, стр. 103 сл.). Сам Стагирит писал, что его проект составлен таким образом, чтобы он подходил для большинства полисов (Pol. VI, 1295 a 30—31).

¹⁹ Доватур, Политика и политии..., стр. 73. Отметим только, что мы расходимся с А. И. Доватуром относительно того, насколько следовал Александр Македонский советам своего учителя (см. Г. А. Рошелевко, Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н. э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н. э., ВДИ, 1972, № 1, стр. 59 сл.).

²⁰ Mossé, La fin..., стр. 250.

²¹ Мы не касаемся вопроса о критике Аристотелем проектов Платона (подробнее см. Доватур, Политика и политии..., стр. 24). Отметим лишь некоторые обстоятельства. В своем градостроительном аспекте — это критика умозрительных конструкций рационалистом. Таков, например, подход Аристотеля к определению величины, потребной для полиса территории во втором проекте Платона. Во-вторых, необходимо отметить, что если ранее (с момента издания Суземилем в 1879 г. «Политики») аристотелевская критика Платона (во 2-й книге) считалась пристрастной и неточной, то в настоящее время это положение пересматривается самым решительным образом. См. G. R. Morgan, Aristotle's Comment on Plato's, «Aristotle and Plato in the mid fourth Century. Papers of Symposium Aristotelicum Held at Oxford in August, 1957», Göteborg, 1960, стр. 160—161.

Платона. Следовательно, число граждан должно быть столь возможно большим, но (в духе общепринятых представлений²²) лишь в пределах, оставляющих возможность для взаимного общения всех членов общины.

Очень подробно обсуждается и вопрос о природных условиях территории, какая должна принадлежать полису. Она должна наиболее отвечать условию самодовления (автаркии) полиса, т. е. быть такой, чтобы на ней могли произрастать все необходимые растения, ибо «самоудовлетворение и заключается в том, ... чтобы ни в чем не было недостатка» (Pol. VII, 5, 1, 1326 b 28). Вместе с тем это богатство природных условий и обширность размера территории не должны быть чрезмерными, чтобы население оставалось умеренным в своих потребностях.

К числу внешних условий можно отнести (хотя сам Аристотель этого прямо не делает) и проблему земледельческого населения. Согласно Аристотелю, в «идеальном» полисе земледельческое население, обеспечивающее существование гражданской общины, должно, по возможности, принадлежать не к греческому этносу и находиться в зависимости от граждан (быть или рабами или периками) (Pol. VII, 8, 5, 1329 a 24). При этом предусматривается наличие двух форм собственности на этих бесправных насельников — государственной или частной, в зависимости от того, на какой территории — государственной или частновладельческой — они проживают (Pol. VII, 9, 9, 1330 a 30). Таким образом, «идеальный» полис Аристотеля должен находиться на «варварской» территории²³.

Аристотель считает, что город должен занимать, насколько это возможно, центральное положение на принадлежащей ему территории. Однако при этом необходимо учитывать также обстоятельства, связанные с потребностями доставки в город необходимых продуктов (Pol. VII, 5, 2, 1327 a 8). Территория также должна иметь какие-то естественные рубежи, затрудняющие нападения врагов, но при этом необходимо иметь и удобные пути сообщений с внешним миром (там же).

Явно полемизируя с Платоном, Аристотель обсуждает вопрос о том, насколько полезно для полиса соседство с морем. Он также считает, что пребывание в городе чужеземцев в известной мере вредно для функционирования государства, основанного на правильных принципах, но взаимности безопасности, и с точки зрения «полного снабжения его всем необходимым» путем торговли, которая должна быть для него выгодна («... ведь государство должно вести торговлю в своих личных интересах...» — Pol. VII, 5, 4, 1327 a 26).

Самым правильным, с точки зрения Аристотеля, было бы своего рода компромиссное решение: «Теперь мы видим, что во многих государствах и городах существуют порты и гавани, прекрасно устроенные в интересах государства, не составляющие с городом одного целого, но и не слишком далеко от него расположенные, обнесенные стенами и снабженные общению городов с гаванями получается та или иная выгода для последком-либо отношении приносит вред, то его легко предупредить путем издания соответствующих законоположений, которые определяли бы и дозволено и кому запрещено вступать во взаимные сношения» (Pol. VII, 5, 5, 1327 a 31 сл.).

²² Утченко, ук. соч., стр. 13 сл.

²³ См. Доватур, Политика и политик..., стр. 73.

Очень тщательно обсуждается вопрос о климатических условиях места, где должен строиться город. У Аристотеля, в отличие от Платона, этот вопрос разбирается с точки зрения реальности, а не с точки зрения формирования характеров под влиянием климата. Аристотель прежде всего говорит о влиянии ветров (с точки зрения санитарии): «При этом нужно заметить, что города, обращенные к востоку и в сторону восточных ветров, более удовлетворяют санитарным условиям; за ними следуют города, защищенные от северных ветров, — в таких городах легче переносится холодное время года» (Pol. VII, 10, 1, 1330 а 38 сл.). Большое внимание уделяется и проблеме снабжения города водой (Pol. VII, 10, 2, 1330 б 4). Но вместе с тем, оставаясь реалистом, Аристотель допускает возможность того, что город может быть основан и на территории, где нет удобных источников водоснабжения. В таком случае необходимо предпринять меры по искусственному водоснабжению города (Pol. VII, 10, 2, 1330 б 5). Следует обращать внимание и на качество воды (Pol. VII, 10, 3, 1330 б 14).

Характер городской застройки, по Аристотелю, должен отвечать трем условиям: характеру строя полиса, удобствам для практической жизни, возможностям обороны. Аристотель отмечает, что характер государственного строя должен сказываться в архитектурном облике города прежде всего тем, каковы должны быть укрепления в городе: «Наличность акрополя подходит для олигархических и монархических государств, одинаковая укрепленность всех пунктов — для демократических; для аристократических ни то, ни другое, но скорее когда имеется несколько укрепленных пунктов» (Pol. VII, 10, 4, 1330 б 19 сл.). Удобствам практической жизни отвечает (и с точки зрения эстетики) регулярная система планировки с пересекающимися под прямым углом улицами, т. е. планировочная схема Гипподама (Pol. VII, 10, 4, 1330 б 21 сл.), но в то же время она неудобна тем, что необходимо сочетать принцип удобств практической жизни и принцип удобств обороны: «Не нужно устраивать город так, чтобы он весь имел правильную распланировку; надо, чтобы распланировка шла правильно только по отдельным частям и кварталам (Pol. VII, 10, 5, 1330 б 30) ²⁴.

Аристотель решительно возражает против мнения тех (в первую очередь Платона), кто считал, что город не должен иметь оборонительных стен и эти возражения (что очень характерно) также исходят из реальной действительности: бывают случаи, когда неприятель силою превосходит обороняющихся, и тогда городские стены — жизненная необходимость (Pol. VII, 10, 6—7, 1330 б 31 сл.).

Согласно плану Аристотеля, общественный центр города должен быть функционально расчленен, и это должно проявляться в территориальном выделении отдельных частей его. Первой из них должен быть собственно общественный центр, т. е. площадь, имеющая достаточные размеры, отличающаяся удобством положения и более защищенная, чем другие части города (Pol. VII, 11, 2, 1331 а 30 сл.). На ней будут расположены важнейшие государственные святыни и помещения для магистратов (в том числе и для их совместных трапез). Таким образом, это практически должен быть эквивалент обычного акрополя. В непосредственной близости от него должна располагаться агора, но лишенная всех торговых функций. Ее зна-

²⁴ Необходимо отметить и следующее: в обширных по размерам городах строгое следование единообразной системе прямоугольной планировки создавало бы (особенно учитывая обращенность внутрь архитектуры рядового жилища) поразительно унылый и скучный городской пейзаж (W u c h e r l e y, *How the Greeks...*, стр. 16). Сбивка и направлений осей отдельных районов, конечно, имела бы важное значение и для оживления облика города, уничтожения удручающей монотонности, т. е. эта рекомендация Аристотеля помимо практической имела и эстетическую ценность.

чение как второго общественного центра подчеркивается еще и тем, что на ней полностью запрещена торговля, и даже появляться на ней разрешается только гражданам. Ни ремесленнику, ни землепашцу не разрешается даже вступать на нее.

Архитектурное решение должно подчеркивать значение этой площади: она располагается у подножья акрополя и окружена зданиями общественного назначения — помещениями для магистратов и гимназиями для людей зрелого возраста (Pol. VII, 11, 2, 1331 а 36).

Торговая площадь должна иметь совершенно самостоятельное существование. Важнейшее обстоятельство, которое необходимо учитывать при выборе места для нее — «удобство подвоза для всякого рода товаров, доставляемых морским и сухопутным транзитом» (Pol. VII, 11, 2, 1331 b 1 сл.). Возле этой площади должны располагаться помещения для магистратов, связанных с деловой активностью (магистраты, которые ведают заключением всякого рода договоров, гражданскими и уголовными судебными делами, агораномы и астиномы) (Pol. VII, 11, 3, 1331 b 4 сл.)

На территории города предусматриваются также здания для сисситий, причем сисситии высших магистратов должны происходить на акрополе, жрецов — вблизи храмов (Pol. VII, 11, 3, 1331 b 5), а у рядовых граждан, поскольку они в первую очередь являются воинами, помещения для сисситий предусматриваются у городских стен (Pol. VII, 10, 8, 1331 а 18 сл.)

В отличие от Платона Аристотель решительно возражает против единообразия жилой застройки. Он исходит из реальности существования имущественных различий граждан и соответственно полагает, что и жилища граждан города должны иметь различный облик: «Не одна и та же роскошь прилична триерарху и архитектору. Приличное в каждом случае определяется лицом, предметом и средствами» (Ethic. Nicom. IV, 4) и «необходимо, чтобы великолепные строили себе дома, приличные их богатству, ибо такой дом в известном смысле есть общественное украшение» (Ethic. Nicom. IV, 5).

Сельская территория полиса делится на две части. Одна является государственной, и земледельцы, обрабатывающие ее, должны обеспечивать общие потребности всей общины граждан, вторая же половина делится на клеры, находящиеся в собственности отдельных граждан. Клер каждого гражданина (как и во втором проекте Платона) делится на две части: одна располагается вблизи города, другая — у границы (Pol. VII, 9, 7, 1330 а 14 сл.).²⁵ Аристотелем предусматривается, что в хоре в определенных местах в целях «необходимого надзора» будут располагаться здания для местных магистратов, воинов, для сисситий граждан (Pol. VII, 11, 4, 1331 b 14), а также храмы.

Таким образом, можно видеть, что в проекте Аристотеля даются лишь самые общие рекомендации относительно характера городской застройки. Он лишен той чрезмерной детализации, регламентации всех мелочей, которая характерна для второго проекта Платона. Аристотель свои указания ограничивает несколькими общими принципами, соблюдение которых он считает жизненно необходимым для нормального функционирования вновь созданного полиса, полагая, что местные условия подскажут решение деталей. Особо подчеркивается необходимость выбора места, исходя из чисто практических соображений (климатическо-гигиенических, военных, экономических). Предложения Аристотеля об архитектурной организации пространства города также касаются только самых основных вопросов: он подчеркивает необходимость функционального разделения

²⁵ Подобный принцип применялся в практике вновь основывавшихся городов. См. В. П. Я й л е н к о, К интерпретации декрета пессейцев о разделе земли колонистами, ВДИ, 1971, № 2, стр. 20.

общественного центра; необходимость сочетания удобств регулярной застройки с заботой об обороне города, проявляющейся как в членении города на отдельные районы, так и в наличии городских стен; необходимость рационального снабжения города водой; необходимость функционального подхода к решению проблемы сочетания собственно города и его гавани; необходимость трезвого учета роли торговых путей и их влияния на планировку города. Весь пафос градостроительных идей Аристотеля — достижение идеального решения посредством оптимального сочетания трех компонентов: практических удобств, требований обороны, требований эстетики. При всем том он исходит из того, что архитектура города — это среда обитания коллектива граждан среди массы неполноправного земледельческого населения.

Рассмотрев три проекта градостроительных решений «идеального» города, мы можем сразу сказать, что первый из них (первый проект Платона) не мог оказать никакого влияния на дальнейшее развитие градостроительной теории и практики, ибо градостроительная структура его должна была отражать такую социальную организацию общества, которая, конечно, никогда не могла быть создана в античной Греции. В современной литературе — и советской, и зарубежной — существует практически полное единодушие относительно того, что этот проект был полностью утопичным²⁶. (Реакционный характер этой платоновской утопии особенно подчеркивается в советской литературе²⁷.)

Таким образом, с точки зрения нашей темы рассмотрения заслуживают только два проекта: второй проект Платона («Законы») и проект Аристотеля. Необходимо отметить, что в современной литературе все более упрочивается мнение, согласно которому практическое значение политических взглядов Платона и его школы было чрезвычайно велико; Академия рассматривается рядом исследователей как настоящая школа государственных деятелей Греции²⁸, для которых и был подготовлен изложенный в «Законах» проект, готовый, как полагают эти исследователи, к немедленному воплощению в жизнь²⁹, реальный и учитывающий опыт неудачных попыток воплощения в жизнь более «идеального» проекта «Государства»³⁰.

Особенно высоко оценивает значение «Законов» Уэллес³¹. Он считает, что политическое устройство описанного в них города было хотя и воображаемым, но не утопическим. Оно базировалось на практическом опыте греков. Многие были взяты из конституции Афин, очень многое — из конституций других греческих городов (эти материалы были собраны Академией и позднее были использованы Аристотелем). «Законы» широко использовались в градостроительной практике времени эллинизма,

²⁶ Ch. Morris, *Western Political Thought*, vol. I. Plato to Augustine, N. Y., 1967, стр. 78; Sinclair, *A History...*, стр. 157; Mossé, *La fin...*, стр. 244—245. Отметим, что существуют попытки несколько смягчить характер реакционности идей Платона в «Государстве». См. P. Demos, *Paradoxes in Plato's Doctrine of the Ideal State*, «The Classical Quarterly», vol. VII, № 3—4, 1957, стр. 164—174 (обоснованные возражения см. R. S. Bluck, *Plato's 'Ideal State'*, «The Classical Quarterly», vol. IX, № 2, 1959, стр. 166—168).

²⁷ Асмус, ук. соч., стр. 179.

²⁸ Morrow, *Plato's Cretan City...*, стр. 9; P.-M. Schuhl, *Etudes platoniciennes*, P., 1960, стр. 73; D. Grene, *Greek Political Theory. The Image of Man in Thucydides and Plato*, Chicago — London, 1965, стр. 100; U. Willamowitz-Moellendorf, *Platon*, I, B., 1919, стр. 658; A. E. Taylor, *Plato. The Man and his Work*, N. Y., 1957, стр. 463.

²⁹ Barker, *Greek Political Theory...* стр. 314; Morrow, *Plato's Cretan City...*, стр. 9—12; Grene, *Greek Political Theory...*, стр. 101, 128.

³⁰ Baldry, *Ancient Utopias*, стр. 16.

³¹ Welles, *The Greek City...*, стр. 81—100.

так как были хорошо известны и эллинистическим царям, и их советникам.

Напоминаем, что специальное исследование «идеального» города Платона как социального и политического организма в наши цели не входит. Наша задача — рассмотрение его только в контексте истории градостроительства. В связи с этим необходимо остановиться (допуская, что выводы Уэллеса относительно источников формирования политической системы этого платоновского полиса верны), на том, каковы были истоки и преобразы формирования архитектурного облика этого города. И здесь следует прежде всего отметить, что города круглого плана были практически не известны в Элладе. Единственный город, который (по достоверным данным) имел подобный план, — Мантинея в Пелопоннесе, построенная по этому плану примерно в 470—465 гг. до н. э.³² Однако и этот город был в плане не строго круглым, а скорее эллиптическим (1400 × 1150 м). Улицы города были ориентированы на центр, но, видимо, все-таки это не была система улиц-лучей, а скорее система улиц-хорд и, по мнению Р. Мартэна, в общем планировочная схема Мантинеи была компромиссом между лучевой схемой и прямоугольным планом, заключенным в круглую стену. К тому же агора не занимала центрального места.

Сама идея планировки платоновского города (и страны) чрезвычайно трудна для воплощения. Найти место, отвечающее всем его требованиям, было бы весьма затруднительно³³. Несомненно, что в некоторых отношениях концепции Платона опираются на определенный исторический опыт. Это, в частности, можно сказать об идее нежелательности соседства с морем, отсутствия торговых связей, враждебности к морской мощи. Все эти идеи воплощают в себе исторический опыт аристократической политической мысли, и Платон широко им воспользовался. Но столь же отчетливо видно, что этот опыт, отражающий столкновение с общим закономерным ходом исторического развития, был только негативным. Не подлежит сомнению, что градостроительная система Платона, будучи проекцией его политических и социальных концепций в сферу градостроительства, оказывалась целиком умозрительной, лишенной связей со всем предшествующим опытом греческого градостроительства. Это, конечно, еще не значит, что она не могла иметь реального значения в будущем, но ее искусственный характер не вызывает сомнения.

Для Аристотеля, напротив, характерен не умозрительный, а научный (почти в современном смысле этого слова) подход к проблеме. Он считал, что настоящее достоверное и полное знание может быть получено только путем наблюдения над конкретными фактами и явлениями³⁴. В области градостроительства этот подход проявлялся как в наблюдениях над застройкой существующих городов, так и в изучении предшествующей литературы по всем вопросам, связанным с этой проблемой³⁵.

Таким образом, градостроительная теория Аристотеля не является только его оригинальным творчеством, но скорее тем фокусом, в котором сходятся и теоретические исследования, и градостроительная практика предшествующего времени, осмысленные с точки зрения общих концепций философа. Он обобщил и оценил весь предшествующий греческий гра-

³² Martin, *L'urbanisme...*, стр. 119—120.

³³ Lavedan, *Histoire...*, стр. 143.

³⁴ G. Downey, *Aristotle and Greek Science*, L., 1963, стр. 38.

³⁵ О методах работы Аристотеля над литературой см. А. И. Доватур, Платон об Аристотеле, «Вопросы античной литературы и классической филологии», М., 1966, стр. 137 сл. Очень показательно в этом отношении и изучение Аристотелем всех предшествующих проектов «идеального» полиса.

достроительный опыт, приведя его в стройную систему нескольких основных принципов, и в таком виде представил в «Политике»³⁶.

В некоторых аспектах источники формирования концепции Аристотеля выявляются достаточно отчетливо. Это прежде всего касается вопросов климата. Очень показательны совпадения между идеями Аристотеля и Гиппократов («О воздухах, водах и местностях»), показывающие, что Аристотель использовал рациональный опыт греческой медицины, включив его в свою градостроительную систему как важнейший компонент. Что же касается теории местоположения города в зависимости от близости к морю, то исторические наблюдения над этим явлением и выводы из них были сделаны Фукидидом (Thuc. I, 6)³⁷. Идея регулярной прямоугольной планировки существовала задолго до Аристотеля (древние приписывали ее Гипподаму, но она возникла по крайней мере в VII в до н. э.)³⁸ и также была включена (в несколько измененном виде) в его концепцию. Но наиболее важным, как нам представляется, источником формирования концепции Аристотеля были наблюдения над реальными явлениями греческого градостроительства.

Мы имеем в виду практический опыт регулярного греческого градостроительства V—IV вв. до н. э., ведшегося в соответствии с принципами «милетской школы» (по терминологии Р. Мартэна)³⁹. Наиболее ярко черты этой градостроительной школы реализовались в ходе перестройки Милета и Пирея. Для этой школы характерен функциональный подход к характеру городской застройки, проявляющийся, в частности, в четко выдержанном зонировании районов города. В Милете это видно в том, что два обширных рынка занимают свои естественные места у двух портов; общественный центр отделен от мест торгового обмена; три жилых района, построенные каждый по строгой сетке прямоугольных кварталов, разделены обширным пространством, занятым общественными сооружениями⁴⁰. В Пирее⁴¹ мы также видим эти принципы. Здесь наблюдается четкое зонирование: два обширных жилых района разделены сооружениями общественного центра. Сердцем его является агора. На берегу залива Кантар располагается район эмпорiona — собственно торговая часть города, занятая причалами, складами, портиками вокруг обширной торговой площади. На востоке — у бухты Зеа — находился военный порт. Особенно интересна планировка жилых кварталов. Они группируются на севере и юге городской территории. Южная часть жилой застройки делится на три четко выделяемых отдельных района. Таким образом, имеется четыре отдельных жилых района, каждый из которых имеет регулярную планировку, совершенно, однако, независимую от планировки других жилых районов. Нечто похожее, но с меньшей степенью отчетливости заметно и в Милете⁴².

Таким образом, мы видим, что в градостроительной концепции Аристотеля отразился и реальный практический опыт греческого градостроительства, опыт так называемой милетской школы с его системой строгой функциональности, зонирования, четкого отделения общественного центра от торгового, своеобразностью регулярной застройки, сочетающей в

³⁶ Martin, *L'urbanisme...*, стр. 22.

³⁷ Сам Аристотель в этом пункте прямо ссылается на исторический опыт ряда греческих городов.

³⁸ Блаватский. *Античный город...*, стр. 11—12.

³⁹ Martin, *L'urbanisme...*, стр. 99 сл.; М. М. Кобылина, Милет, М., 1965, стр. 159 сл. Мы оставляем в стороне вопрос о том, в какой мере эти явления связаны с деятельностью Гипподама.

⁴⁰ Martin, *L'urbanisme...*, стр. 99—106.

⁴¹ Там же, стр. 106—109.

⁴² Wycherley, *How the Greeks...*, стр. 19.

себе регулярность внутри отдельных районов с их независимостью одного от другого.

Следовательно, есть все основания считать, что и в области градостроительства (как и в других областях знания) Аристотель исходил из живого опыта, изучая его, оценивая, перерабатывая. Теоретический и практический опыт Эллады был им осмыслен и представлен в его проекте «идеального» города в виде достаточно стройной, но лишенной мелочной регламентации системы, состоящей из нескольких основных принципов.

Рассмотрев основные проекты градостроительных решений «идеального» города, появившиеся в IV в., естественно, можно перейти к решению вопроса о соотношении этих проектов с градостроительной теорией эллинизма. Как известно, сочинений по градостроительству от эпохи эллинизма не сохранилось, но весь опыт этой эпохи отразился в концентрированном виде в сочинении Витрувия «Об архитектуре»⁴³. Таким образом, необходимо рассмотреть ту часть этого труда, которая посвящена градостроительным вопросам под одним углом зрения — как в конце эллинистической эпохи решались в теории градостроительные вопросы и как этот опыт соотносится с идеями Платона и Аристотеля.

Первый из них — вопрос о выборе места для города. Витрувий (I, 4) рассматривает его очень подробно, отмечая необходимость всесторонней оценки достоинств и недостатков места, в первую очередь с точки зрения климатических условий. Выбор должен определяться тем, к какой стороне света обращено место, намеченное для основания города, чтобы учитывать влияние солнца. Витрувий настоятельно рекомендует избегать такого местоположения, при котором солнце чрезмерно накаляет город, т. е. советует избегать обращенности города к югу и западу. Кроме того, необходимо учитывать направленность господствующих ветров, которые могут влиять на климат города и характер окружающих вод, ибо, например, болота могут вызывать постоянные болезни населения.

Проблема других внешних условий существования города обсуждается Витрувием очень кратко. Он говорит о необходимости выбора местности с учетом плодородия почвы, чтобы город не имел недостатка в продовольствии. Отмечается также и необходимость наличия хороших путей сообщения (морских или сухопутных) (I, 5, 1). В связи с этим особое внимание уделяется строительству портов. Оборонительные укрепления в городе для Витрувия нечто совершенно необходимое. Точно так же для него не подлежит сомнению, что в основе планировки города должна лежать прямоугольная сеть улиц.

Таким образом, самый краткий очерк показывает, что градостроительные идеи Витрувия близки идеям Аристотеля и весьма далеки от принципов Платона. Прежде всего, и у Аристотеля, и у Витрувия подход к выбору места для города чисто рациональный, определяемый санитарно-

⁴³ Martin, L'urbanisme, стр. 25. Однако ряд свидетельств показывает, сколь активно обсуждались в конце IV в. до н. э. и в последующие века вопросы о характере городов, их географическом положении, преимуществах или недостатках их планов, внешнем облике и т. д. Примером тому может служить, например, труд перипатетика Дикеарха, небольшие сохранившиеся фрагменты которого показывают, что он именно с этой точки зрения оценивал различные города Греции (FHG, ed. Didot, II, стр. 254—256). В частности, в описании Афин подчеркивается недостаток воды, жаркий климат, отсутствие регулярной планировки. В описании Фив — то, что город располагается на равнине, в центре Беотии, имеет круглую форму. В произведениях Страбона (V, 3, 8) и Полибия (VI, 31, 10) одобрительно говорится о системе регулярной планировки. Поллукс (IX, 40) и Дюдор (XVI, 70) в полном соответствии с аристотелевскими представлениями считают акрополь чем-то вроде символа авторитарной власти (царской или тиранической). Таким образом, ясно, что литературно-теоретическая традиция, восходящая к Аристотелю, сохранялась в эллинистическую эпоху и была переходным звеном от концепций Стагирита к Витрувию.

гигиеническими требованиями, а не метафизическими принципами соответствия характера природы характеру населения. Экономический аспект выбора места Витрувий тоже решает в духе аристотелевских идей, т. е. не в смысле отрицания (насколько это возможно) внешних экономических связей, а определения места, именно исходя из необходимости их. Аристотелевские идеи важности укреплений для города также входят органической частью в витрувианскую концепцию города. Его концепция регулярной застройки, базирующаяся на системе прямоугольных блоков, восходит к аристотелевским представлениям, а не к радиально-концентрической системе Платона. Также можно видеть близость между концепциями Витрувия и Аристотеля относительно общего плана города. Витрувий решительно настаивал на том, чтобы город не имел прямоугольных очертаний, что ослабляет оборону (I, 5, 2). Аристотель же исходит из того, что прямоугольная планировка должна охватывать только отдельные районы, которые нерегулярно соединяются друг с другом, что в конечном итоге дает ту же самую нерегулярную форму внешних очертаний города. Показательно, что и этот принцип определяется требованиями обороны.

Эти совпадения — не в деталях, а в основных принципах, — с нашей точки зрения, далеко не случайны. Уже высказывалось в литературе мнение, что именно в конце IV в. до н. э. в школе перипатетиков окончательно была сформулирована теория архитектуры, изложенная позднее Витрувием⁴⁴. Вполне возможно, что в таком прямолинейном виде этот вывод и не совсем верен (ибо в таком случае не учитывается весь практический опыт эпохи эллинизма), однако близость градостроительных концепций Витрувия аристотелевским несомненна. Надо думать, что Витрувий знакомился (прямо или опосредствованно) с работами Стагирита⁴⁵. Не касаясь подробно этого вопроса, укажем на одно достаточно показательное совпадение. Аристотель подробно развивал тезис о зависимости душевных качеств людей от климатических зон их обитания, тем самым пытаясь показать превосходство эллинов над варварами как севера, так и юга. Витрувий целиком принимает этот теоретический постулат (I, 2, 10—11), заменяя только эллинов италиками.

Необходимо также отметить, что некоторые идеи, восходящие к Аристотелю и не отраженные у Витрувия, были достаточно широко распространены у других авторов. Такова судьба тезиса Аристотеля о местоположении города по отношению к морю. Несмотря на внешнее сходство в этом отношении выводов Платона и Аристотеля, причины, их порождающие, принципиально отличны. Крайне показательно, что в литературе утвердилась концепция Стагирита. Исходя именно из этих взглядов, авторы восхваляли преимущества местоположения Рима (Cic., *De rep.* II, 5, 10) и Антиохии на Оронте (Liban., *Orat.* XI, 34—39).

Однако все эти свидетельства отнюдь не говорят о полном исчезновении из античной литературы градостроительных концепций Платона. Но — и это крайне показательно — платоновские идеи широко применялись только к объяснению фактов исторического прошлого (см., например, Strab., XIII, 1, 25). Иными словами, эти идеи влияли лишь на историко-философские теории, в частности на теорию становления и развития города, но оказались неприменимыми в теории градостроительства.

Необходимо, наконец, провести еще одно сопоставление: градостроительной теории Платона и Аристотеля с градостроительной практикой эллинистической эпохи.

⁴⁴ Б. П. Михайлов, Витрувий и Эллада. Основы античной теории архитектуры, М., 1967, стр. 162.

⁴⁵ Михайлов, ук. соч., стр. 5.

Прежде всего необходимо остановиться на одном вопросе: каковы были критерии, определявшие выбор места для основания города в эллинистическую эпоху? Наибольший материал для этого в силу сравнительного обилия литературных источников дает Александрия Египетская. Авторы, как правило, отмечают выгодность ее местоположения⁴⁶, которая проявляется в нескольких основных факторах: 1) удобство местоположения с точки зрения экономических связей — гавани на море, связь посредством канала с Нилом и через него с глубинными районами Египта⁴⁷; 2) благоприятные климатические условия, создающиеся морскими ветрами (подчеркнем, что город строился таким образом, чтобы ветры могли свободно проникать в город⁴⁸; 3) удобство обороны города⁴⁹. В связи с этим необходимо отметить, что город с самого начала строился по регулярной системе прямоугольных блоков и, насколько позволяет понять описание Страбона, достаточно строго выдерживался принцип зонирования. Все это убеждает в том, что принципы, которыми руководствовались в выборе места для основания нового города, были близки идеям Аристотеля, а не Платона.

В эллинистическую эпоху на Востоке широко развернулось строительство новых городов, и лучшей проверкой действенности той или иной теории была, конечно, ее применимость в практике. Не пытаясь даже учесть весь многочисленный материал по истории эллинистического градостроительства на Востоке, отметим некоторые представляющиеся нам важными факты.

В Фессалониках⁵⁰ (строительство Кассандра) основная застроенная часть города разбита на сеть прямоугольных кварталов. В северо-восточной части возвышается акрополь, укрепления которого смыкаются с собственными городскими стенами. В центре располагается агора, вторая агора, выполняющая функции торгового центра, находилась, видимо, у порта. В центре же был и гимнасий. Храмы были сосредоточены в западной части города. Есть некоторые основания предполагать, что в юго-восточной части города имелся район, также регулярно застроенный, но с иным направлением улиц.

Одним из наиболее ярких примеров использования принципов «милетской школы» была, пожалуй, Смирна. Для нее характерно сочетание ряда независимых друг от друга (в смысле планировки) районов с различной ориентацией улиц, но со строгой регулярностью ортогональной сетки кварталов внутри каждого из этих районов. Вокруг акрополя находился особый район со своей особой системой укреплений (Strabo, XIV, 1, 37)⁵¹.

В Дура-Европос⁵² также имеется система регулярной городской застройки, основанной на ортогональной сетке кварталов. Однако в отличие от Смирны здесь эта система планировки охватывает весь город. Цитадель города была построена на возвышенности, отделенной от основной территории застройки глубоким оврагом. Показательно, что цитадель практически не имела значения для обороны города от внешних врагов. Агора находилась в центре.

В Алеппо (Бероя)⁵³ городские стены представляют в плане почти правильный квадрат. В середине восточной стены на высоком холме

⁴⁶ Arr. an., Anab. III, 1, 5; Plut. Alex., 26; Diod., XVII, 52, 2.

⁴⁷ Strabo, XVII, 1, 7; Vitruv., II, вст. 4.

⁴⁸ Strabo, XVII, 1, 7; Diod., XVII, 52; Amm. Marcell., XXII, 16, 8.

⁴⁹ Vitruv., II, prooem., 4; Diod., XVII, 52.

⁵⁰ M. Vickers, Hellenistic Thessaloniki, JHS, vol. 92, 1972, стр. 156—170.

⁵¹ Martin, L'Urbanisme..., стр. 163—164.

⁵² M. Rostovtzeff, Dura-Europos and Its Art, Oxford, 1938, стр. 33.

⁵³ J. Sauvaget, Alep. Essai sur le développement d'une grande ville syrienne, des origines au milieu du XIXe siècle, Paris, 1941, стр. 28—51.

располагалась цитадель. Часть территории города оставалась не застроенной. Застройка была регулярной, основанной на сетке прямоугольных кварталов (размером 120×45 м), примерно в центре располагалась агора. Видимо, часть не застроенной регулярным образом территории была занята местным населением.

Лаодикея приморская (современная Латакия) ⁵⁴ располагалась на мысу, выступающем в море. С востока его ограждают два довольно высоких холма, по гребням которых проходит оборонительная стена. На одном из них располагается акрополь. Территория города была застроена регулярно. Размеры кварталов 112×57 м.

С Лаодикеей очень тесно была связана Апамея, расположенная внутри материка и являвшаяся второй столицей государства Селевкидов. Видимо, в значительной мере выбор места объясняется также и соображениями, связанными с торговлей. Город был построен на естественном плато, величина которого определяла и размеры города. Укрепления шли по краям этого плато. Цитадель располагалась на западной окраине. Для города характерна регулярная прямоугольная система планировки ⁵⁵.

Очень интересные материалы представляет Антиохия на Оронте — столица государства Селевкидов ⁵⁶. Прежде всего, ясно, что место для выбора города выбиралось, исходя из нескольких, уже знакомых нам принципов. Антиохия могла снабжаться (и снабжалась благодаря акведуку, построенному вскоре после основания города) прекрасной водой из Дафны. Непосредственные окрестности были необычайно плодородны. Город был расположен достаточно близко от моря (он был связан со своим портом Селевкией в Пнирии по р. Оронт), но в то же время и не в непосредственной близости от побережья, что обеспечивало ему большую безопасность. Город строился первоначально у реки, использована была схема прямоугольных кварталов. Улицы были трассированы с учетом господствующих ветров (бризов). Цитадель располагалась на господствующей высоте — горе Сильпиус. Стены охватывали поселение греко-македонян. Агора занимала место в приречной части. В дальнейшем, с ростом города, была построена вторая агора (в районе, называемом Эпифания). Видимо, в это время появилось и функциональное разделение их: приречная стала торговым центром, а новая — собственно общественным. Можно предполагать, что существовало определенное различие в ориентации улиц двух районов города — греко-македонского и местного, находившегося первоначально вне пределов основной городской стены (позднее в городе было четыре отдельных района).

Дамаск ⁵⁷ в селевкидское время также был перестроен. Город имел регулярную сетку прямоугольных кварталов (размером 100×45 м). Старый город был включен в общую систему укреплений и также обладал регулярной застройкой, но в месте стыка этих двух районов наблюдается изменение направления осей. То же самое зафиксировано и в северо-восточном районе города. В центральной части (на остатках древнейшего поселения) располагался укрепленный дворец — цитадель. Можно от-

⁵⁴ J. Sauvaget, Le plan de Laodicée-sur-Mer, в кн. «Mémorial Jean Sauvaget», I, Damas, 1954, стр. 101—106; J. Laufray, L'urbanisme antique en Proche Orient, «Proceedings of the Second International Congress of Classical Studies», IV, Copenhagen, 1958, стр. 12—13.

⁵⁵ H. Lacoste, La restitution du plan antique d'Apamée de Syrie, «Académie Royale de Belgique. Bulletin de la classe des Beaux-Arts», XLIII, № 1—4, 1961, стр. 53—62; Martin, L'Urbanisme..., стр. 169—170.

⁵⁶ G. Downey, A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest, Princeton, 1961, стр. 62—73.

⁵⁷ J. Sauvaget, Le plan antique de Damas, «Syria», XXVI, fasc., 3—4, 1949, стр. 314—358; Martin, L'urbanisme..., стр. 172—173.

метить четкое зонирование функционально отличных районов. Огромные размеры агоры, как считают исследователи Дамаска, являются свидетельством ее большой роли в жизни города.

Литературные свидетельства показывают, что и в Кизике можно видеть применение тех же принципов, которые мы наблюдали и в перечисленных выше городах. Страбон упоминает, что город строился по регулярному плану⁵⁸. В городе было два отдельных района: один у горы, второй — в равнинной части. Контекст Страбона заставляет предполагать, что две гавани (т. е. портовый район) также располагались несколько особняком.

Более упрощенный, но регулярный план был у Никеи, о которой Страбон (XII, 4, 7) сообщает следующее: «Никея первоначально основана Антигоном, сыном Филиппа, который назвал ее Антигонией, потом Лизимахом, который переименовал ее в честь своей жены в Никею: жена его была дочерью Антипатра. В окружности этот город имеет шестнадцать стадий, а форма его четырехугольная. Он имеет четверо ворот, расположен на равнине и изрезан улицами под прямыми углами, благодаря чему с камня, лежащего посредине гимнасия, можно видеть все четверо ворот».

Интересные материалы были получены при исследовании Селевкии на Тигре — крупнейшего эллинистического центра на Востоке⁵⁹. Исследования, проведенные в этом городе, показали, что территория была разбита по сетке прямоугольных кварталов, направление улиц было сориентировано почти точно: север—юг и запад—восток. Можно с определенной долей уверенности говорить о применении принципа зонирования. В северо-восточной части вокруг агоры располагался район общественного центра. В северной части находился главный религиозный центр, где вокруг основного святилища концентрировались здания, связанные с отправлением религиозных функций. Четко выделяется портовая часть (юго-восток), где расположена внутренняя гавань, защищенная молом. Здесь регулярность застройки нарушается. Очень показательно расположение основной магистрали, выделяющейся своей шириной и обрамленной колоннами. Она не проходит через жилую застройку, а ограничивает ее с юга и выходит непосредственно к порту. Тем самым можно предполагать, что эта основная торговая артерия также является и своеобразной осью торгово-ремесленного района.

В противоположность приведенным примерам можно отметить только два (известных нам) факта существования на эллинистическом Востоке городов с круглым планом. Первый — это Гераса (современный Джераш). В течение долгого времени существовало убеждение, что этот город возник только в римское время. Однако недавняя работа Сейрига⁶⁰ поколебала эту уверенность, заставив думать, что город все-таки (как об этом сообщали древние авторы) был основан во времена Александра Македонского. Однако никаких следов эллинистического строительства пока еще не обнаружено. Если в этом городе, как и во всех остальных городах

⁵⁸ Strabo, XII, 8, 11: «Он построен, кажется, по тому же плану, как и город родосцев...». О планировке Родоса он же сообщает (XIV, 2, 9): «Нынешний город выстроен во время Пелопонесских войн тем же архитектором, который, как говорят, построил и Пирей» (т. е. Гипподамом).

⁵⁹ G. Gullini. Un contributo alla storia dell'urbanistica: Seleucia sul Tigri, «Mesopotamia», II, 1967, стр. 135—163; A. Invernizzi, The Excavation of Tell Umar, «Mesopotamia», II, стр. 9—32; III—IV, 1968—1969, стр. 11—28; A. Invernizzi, Excavations in Squares CVI 69/70/79/80/ (The Archives Building), там же, стр. 29—38; G. Gullini, Trial Trench on the Canal, там же, стр. 39—41; G. Graziosi, Excavations in Squares CLXXI 54/55/56/64/65/66/ (Porticoed Street), там же, стр. 39—42.

⁶⁰ H. Seirig, Alexandre le Grand, fondateur de Gerasa, в кн. H. Seirig, Antiquités syriennes, Sixième serie, P., 1968.

эллинистического Востока, римский план повторяет в основных чертах эллинистический, то можно думать, что в Герасе сетка прямоугольных кварталов была включена в круглую в плане городскую стену.

Другой город, имеющий примерно круглый план, — Хатра. Хотя и здесь в последнее время также появились свидетельства о его возникновении в эллинистическую эпоху⁶¹, никаких данных относительно его градостроительной структуры в то время нет. В парфянское время город имел нерегулярную планировку⁶².

Таким образом, рассмотрев основные проекты «идеальных» городов IV в. до н. э. с точки зрения заложенных в них градостроительных идей и сопоставив их с практикой эллинистического урбанизма, мы должны будем сделать следующий вывод: эллинистическая эпоха широко использовала концепцию Аристотеля и отвергла концепцию Платона⁶³.

Градостроительные решения, предложенные Платоном, не могли найти применения в практике строительства городов потому, что они не имели основы в предшествующем опыте греческого мира и были целиком умозрительными, не говоря уже о сложности их практического воплощения.

Кроме того, в некоторых весьма существенных пунктах они были ориентированы на прошлое⁶⁴, вступая в полное противоречие с общими тенденциями развития. Это особенно ярко заметно в отношении всех рекомендаций касательно торговых связей и вытекающих из них градостроительных решений.

Градостроительные концепции Аристотеля в период, когда на востоке эллинистического мира в обширных масштабах создавались новые города, оказались гораздо более приемлемыми, воплощая в себе как теоретический, так и практический опыт греческого урбанизма предшествующей эпохи. Конечно, это не значит, что в каждом отдельном случае основные положения градостроительной концепции Аристотеля были непрерываемым руководством к действию. Можно отметить, что некоторые из тех элементов его схемы, которые он считал очень важными, никогда, насколько это известно, не воплотились в жизнь. Это касается в первую очередь того места, которое он предназначал для сисситий. Целый ряд его рекомендаций был воплощен лишь частично. Но при всем том мы видим, что в той или иной степени его концептуальные положения находили достаточно сильное отражение в практике эллинистического градостроительства.

Можно видеть, какое большое внимание уделялось выбору места для города с учетом именно тех факторов, на которые обращал внимание Аристотель: климатических, торгово-экономических, фортификационных. В греческих городах монархических эллинистических государств, как правило, присутствует цитадель (занятая гарнизоном царских войск), как своеобразный символ подчиненности города. Отсутствует геометрическая правильность в общей схеме плана города. В значительных по размерам полисах имеются две различные площади, две ипостаси центра — общественная и деловая. Часто можно наблюдать отражающийся в характере планировки принцип зонирования. Во многих крупных городах,

⁶¹ Sami Said Ahmed, Hatra. A Report on Excavations of an Ancient Cosmopolitan City, where East and West Meet, «Archaeology», vol. 25, № 2, 1972, стр. 107.

⁶² Г. А. Кошелев, Культура Парфии, М., 1966, стр. 114—115.

⁶³ Необходимо настоятельно подчеркнуть одно обстоятельство: и проект Аристотеля и проект Платона — это проекты «идеальных» полисов (см. J. Servier, Histoire de l'Utopie, P., 1967, стр. 16—17; Valéry, Ancient Utopias..., стр. 12) и градостроительные решения их целиком ориентированы именно на нормальное функционирование полисных организмов.

⁶⁴ Эту мысль особенно подчеркивает Сервье (Servier, Histoire..., стр. 41. См. также Paradimitriou, La part..., стр. 147).

в соответствии с рекомендациями Аристотеля, при регулярности планировки внутри отдельных районов основные оси районов не совпадают друг с другом. В более мелких городах, как правило, наличествует общая схема ортогональных кварталов.

Конечно, здесь необходима еще одна оговорка: совсем не обязательно, чтобы архитекторы — непосредственные проектировщики тех или иных городов — лично знакомились с трудами Аристотеля. Картина, по-видимому, была более сложной. Взгляды Аристотеля, как мы стремились показать были скорее тем фокусом, в котором сошелся теоретический и практический, опыт греческой урбанистики — его концепция, реалистическая в своей основе, стала некоей квинтэссенцией этого опыта, а его понимание характера происходящих исторических процессов и готовность (в отличие от Платона) эти процессы принять, согласовать с ними свои построения обеспечила его градостроительной концепции жизненность в новом, эллинистическом мире. В нем существовали и другие градостроительные школы, в частности пергамская с ее любовью к изощренной игре объемов, но та школа, одним из основателей и теоретиков которой был Аристотель, играла важнейшую роль. Характерное для нее уравновешенное сочетание рационально обоснованных принципов сделало ее незаменимой при массовом строительстве городов, развернувшимся в начале эллинистической эпохи.

TOWN PLANNING FOR THE IDEAL CITY

by G. A. Koshelenko

The author examines the town-planning ideas set forth in Aristotle's *Politics* and Plato's *Laws* and their connexions with the more general socio-economic and political ideas of Plato and Aristotle. He carries his researches further into the problem of determining the sources of the town-planning concepts revealed in the plans projected by these two ancient authors. He finds that Plato's proposals for the layout of the ideal city are purely speculative in character, having no connexion whatever with the actual experience of Greek city-builders; whereas Aristotle, whose project is not detailed like Plato's but specifies only a few fundamental principles for ideal city planning, reveals a profound theoretical and practical grasp of the subject. The author also, towards the end of his article, investigates the question as to whether the ideas of Plato and Aristotle influenced town planning in the early Hellenistic period. He finds that because of the speculative nature of his thinking on this subject, his utter lack of contact with reality, Plato's ideas could not be applied to the building of real cities; whereas the principles laid down by Aristotle undoubtedly had a marked influence on the theory and practice of the architects engaged in planning and building the new cities of the Hellenistic East.